

мутившимся против епископа-арианца Георгия и убившим его, Юлиан осуждал их самосуд, хотя и соглашался, что Георгий заслуживал сурового наказания: «Если вы и не почитаете Александра, основателя вашего города, и даже Сараписа, истинно великого бога, то могут ли быть безразличными для вас общее благо, человечность и чувство долга? Я добавлю: и уважение к нам, кого все боги, и первым великий Сарапис, поставили законным властителем над всем миром... Народ, словно свора псов, дерзает растерзать человека! Он даже не стыдится простирать к богам руки, с которых еще каплет кровь! Правда, Георгий получил по заслугам... Вы скажете, пожалуй, что он должен был пострадать за совершенное против вас, я с этим согласен. Но если вы скажете — от вашей руки, — то с этим я не соглашусь. Ведь у нас существуют законы, которые всем нам следует блюсти и глубоко чтить. Хотя и случается иногда, что кто-нибудь один нарушает закон, но вообще необходимо, чтобы законы существовали для всех, чтобы вы повиновались им и не преступали того, что издревле почитается справедливым»¹.

Юлиан подчеркивал, что лишь в память дяди и из уважения к божеству, он сохраняет «братское расположение» к жителям Александрии, хотя следовало бы поступить со всей строгостью закона. «Я же, по названным причинам, применяю более мягкое средство — убеждение и дружеское увещание»².

Запрещая христианам учительствовать в школах риторов, Юлиан указывал на необходимость высоких нравственных качеств у воспитателей: «Мы полагаем, что правильное обучение заключается не в благозвучии и изысканности слов языка, но в разумном применении мыслей и в истинных суждениях о хорошем и дурном, о достойном и позорном. Поэтому всякий, кто думает одно, а учеников наставляет в другом, кажется мне, так же чужд обучению, как и понятию о честном человеке. Даже если несоответствие между образом мыслей и словами касается ничтожно малого дела, то в какой-то мере человек уже поступает дурно, хотя зло еще невелико; но если в делах

¹ Там же. С. 640-641.

² Там же. С. 641.